

ПАВЕЛ СУДОПЛАТОВ
ВИТАЛИЙ ПАВЛОВ

ОПЕРАЦИЯ «СНЕГ»

КАК МЫ ПОССОРИЛИ США С ЯПОНИЕЙ

Москва

ИЗДАТЕЛЬСТВО
РОДИНА

УДК 94(470+571)"1941"
ББК 63.3(2)622
С89

Судоплатов, Павел Анатольевич.
С89 Операция «Снег». Как мы поссорили США с Японией / Павел Судоплатов, Виталий Павлов. — Москва : Родина, 2026. — 256 с.

ISBN 978-5-00269-793-9

Летом 1941 года советская внешняя разведка провела операцию «Снег». Её целью было подтолкнуть правительство США к мерам, которые привели бы к резкому обострению отношений с Токио. Расчёт оправдался: угроза войны на два фронта для СССР была нейтрализована после того, как Япония в декабре 1941 года нанесла удар по Пёрл-Харбору.

Взгляд на события 1941 года с разных ракурсов — через призму воспоминаний непосредственных участников операции, сотрудников разведки Виталия Павлова и Павла Судоплатова, исследований японских историков и работ американского исследователя Джона Костера, автора книги «Операция „Снег“: как советский агент спровоцировал Пёрл-Харбор».

УДК 94(470+571)"1941"
ББК 63.3(2)622

ISBN 978-5-00269-793-9

© Чертопруд С.В., ред.-сост., 2026
© ООО «Родина», 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вступление	6
<i>Павлов В. Г.</i> Операция «Снег»	8
<i>Костер Дж.</i> «Операция «Снег»: как советский «крот» в Белом доме Рузвельта спровоцировал Перл-Харбор»	51
<i>Судоплатов П. А.</i> Отношения с союзниками и Тихоокеанская война в 1941 году	101
<i>Коллектив авторов.</i> История войны на Тихом океане. Японская версия событий	122
Примечания	248

ВСТУПЛЕНИЕ

Операция «Снег» — операция советской разведки в начале 1940-х годов, направленная на ликвидацию военной угрозы Советскому Союзу со стороны Японии. Целью операции было склонить Соединённые Штаты Америки к определённым действиям, которые должны отвлечь Японию от её экспансионистских шагов в отношении Советского Союза.

Операция «Снег» проходила в строжайшей секретности. По словам Виталия Павлова, основного участника операции, о ней знали только он, начальника внешней разведки НКВД Павел Фитин, Исхак Ахмеров¹ и Л. П. Берия. Было ли доложено об этой операции И. В. Сталину — неизвестно. Как вспоминает Виталий Павлов:

«Нарком вызвал меня в октябре 1940 г. Разговор с ним был предельно кратким. Он спросил, понимаю ли я всю серьёзность предлагаемой операции? Детали его не интересовали, их не обсуждали. — Сейчас же, — строго наказал Берия, — готовь всё необходимое и храни всё, что связано с операцией, в полнейшей тайне. После операции ты, Ахмеров и Павел Михайлович должны забыть всё и навсегда. Никаких следов её ни в каких делах не должно остаться».

Суть операции сводилась к следующему: перед самой войной Исхак Ахмеров, будучи резидентом нелегальной разведки в США, через своего агента познакомился с очень влиятельным работником министерства финансов США Гарри Декстером Уайтом. Как выяснилось, Уайт обладал определённым влиянием на министра финансов США. По своим взглядам Уайт был антифашистом. Идея,

которую высказал Ахмеров, заключалась в том, чтобы посредством Уайта повлиять на позицию правительства США и, в конечном итоге, на позицию президента Соединённых Штатов Америки относительно захватнических планов Японии. Ахмерова Уайт знал как Билла, учёного-синолога (Ахмеров действительно учился в Пекине в колледже для иностранцев в 1934—35 годах, что служило ему прекрасным прикрытием для нелегальной работы в Китае). Было решено, что Павлов встретится с Уайтом и, представившись коллегой Билла, изложит ему тезисно идеи (исходящие от Билла как специалиста по Дальнему Востоку), касающиеся угроз со стороны Японии.

В апреле 1941 года Виталий Павлов и Михаил Корнеев (страховал Виталия Павлова) выехали в Соединённые Штаты Америки под видом дипкурьеров. В мае встреча Виталия Павлова и Уайта состоялась в одном из ресторанов Вашингтона. Во время беседы Виталий Павлов изложил Уайту мысли относительно положения на Дальнем Востоке. В ответ Уайт заметил, что и сам размышлял над этими же проблемами и, получив информацию от специалиста по данному региону, сможет предпринять определённые усилия в данном направлении.

США потребовали от Японии немедленно прекратить агрессию в Китае, а также нейтрализовать Маньчжоу-го. Таким образом, с точки зрения некоторых американских историков и в соответствии с воспоминаниями Виталия Павлова, операция советской разведки в конечном итоге привела к нападению Японии на Пёрл-Харбор.

Павлов Виталий Григорьевич

ОПЕРАЦИЯ «СНЕГ»²

Глава 1. Я открываю Америку

Немало пришлось мне поломать голову над тем, с чего начать летопись моей полувековой службы во внешней разведке. Можно было, конечно, использовать рутинный метод — излагать свою карьеру в строгой хронологической последовательности. Детство, отрочество, юность... Затем путь в разведку... Этапы служебной деятельности... Уход на заслуженный отдых. Но кому все это нужно? Вряд ли детальное описание моей жизни заинтересует современного читателя. Нужно быть талантливым писателем, таким как, скажем, Лев Толстой или Максим Горький, автобиографические произведения которых захватывают людей.

В моем случае книгочеев можно заинтересовать не столько скромной персоной автора, сколько разведывательными операциями, в которых он участвовал или к которым имел отношение, технологией разведывательного дела, конкретными политическими результатами оперативных акций.

Приняв такое решение, я еще порядочное время колебался: о чем рассказать для зачина? В памяти столько интересных случаев...

В конце концов, остановился на эпизоде из моей ранней практики в 1940-1941 годах. Мне он показался не только не заезженным — никто никогда не упоминал о нем в открытой печати, — но и очень важным с политической точки зрения, и стратегически значимым. То, что произошло, несомненно, оказало влияние на успех зимнего контрнаступления Красной Армии под Москвой в

1941-1942 годах и способствовало первому крупному поражению гитлеровцев в их походе на Восток.

Я уж не говорю о том, что тогдашние события оказали большое влияние на мое становление как разведчика. Это была ответственная операция, в ходе которой мне поручили провести встречу по всем правилам конспирации не с нашим агентом, а с крупным американским чиновником, не имевшим прямого отношения к секретной службе Кремля и не подозревавшим, что он имеет дело с одним из ее сотрудников. Правда, от этого важность и ответственность контакта не уменьшались, а возрастали. И риск был большой, если учитывать мой малый разведывательный опыт.

Но все по порядку.

В конце 1938 года, после шестимесячного обучения в Центральной школе НКВД и Школе особого назначения Главного управления государственной безопасности того же наркомата, меня направили на работу в 7-й (разведывательный) отдел этого главка (в июле 1939 года он был преобразован в 5-й отдел, но все по старинке и 5-й, и 7-й отделы продолжали называть ИНО — Иностранным отделом, который возник в рамках ВЧК еще в декабре 1920 года; отсюда до сих пор ведет отсчет своего существования внешняя разведка Российской Федерации, отметившая в 1995 году свое 75-летие)³.

Начал я свою деятельность в качестве стажера, получавшего на практике первые навыки оперативного ремесла. Затем несколько месяцев проработал оперативным уполномоченным — это была вторая, начиная снизу, должность в иерархической лестнице наркомата. Далее меня, что я совершенно не ожидал, быстро продвинули по службе, поставив на первую руководящую ступень: я стал заместителем начальника американского отделения, которое занималось разведывательной деятельностью в США, Канаде и Латинской Америке.

Честно признаться, мне была не по плечу эта ноша. Ведь я только начал вникать в разведывательное ремесло, заграничной практики у меня не было. Но в то время внешняя разведка испытывала катастрофически острую нужду в кадрах. «Чистки» центрального аппарата НКВД, особенно его зарубежных структур, проводившиеся в 1937-1939 годах наркомом Ежовым и Берией, привели к тому, что в ИНО из примерно 100 сотрудников осталось всего десятка два. Некоторые направления работы были совершенно оголены.

В этом я сам убедился, когда стал стажером.

— Вот ваш участок, — сказал мне начальник, которому я представился после назначения. — В шкафах документы, разбирайтесь и работайте.

В комнате, вдоль стен которой выстроились деревянные шкафы с секретными документами, стояло несколько пустых столов — и ни одной живой души. Я стал знакомиться со своим хозяйством и увидел на полках папки, из которых вываливались бумаги. Это были копии отправленных руководителям нашего государства «спецсообщений». Не успел я осмотреться, как ко мне зашел шифровальщик с телеграммами из резидентур. На многих резолюции руководства: «В спецсообщение». Не оставалось ничего другого, как, взяв за образец несколько копий отправленных документов, приняться составлять новые. Так началась моя практика. Продлилась она недолго: вскоре, как я уже упоминал, на меня возложили более ответственные обязанности...

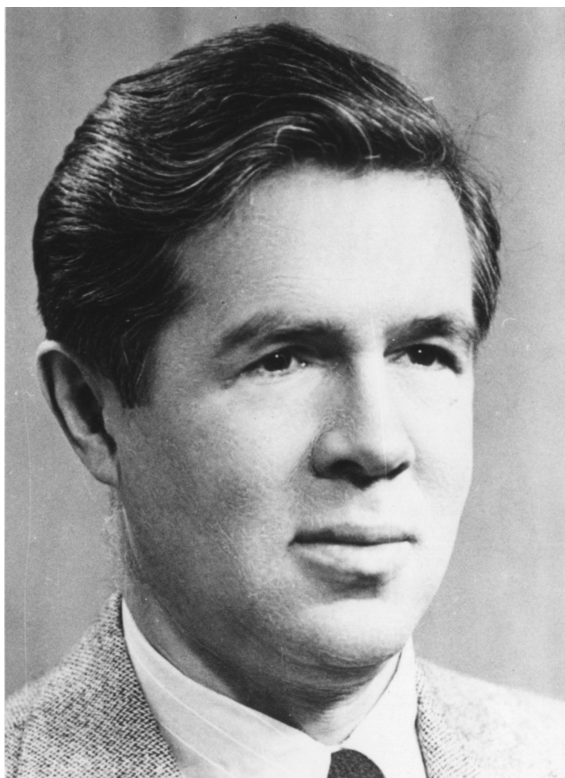
По сегодняшним меркам, отделение — это низшая ступень в структуре аппарата разведки. Но тогда более крупных подразделений — секторов, отделов — не было. Поэтому отделения замыкались прямо на руководство внешней разведки, которая имела статус отдела в главке государственной безопасности наркомата внутренних дел. Наше, американское, отделение руководило разве-

дивательными действиями на всей территории Северной и Южной Америки по всем направлениям: политическому, научно-техническому, контрразведывательному, нелегальному. Нам подчинялись легальные резидентуры в Вашингтоне и Нью-Йорке, нелегальные — одна в столице США, другая в Буэнос-Айресе — и нелегальная агентурная группа в Нью-Йорке. В нашем распоряжении были средства, как в рублях, так и в валюте. Последнее особенно показательно, поскольку в послевоенное время расходовать валютные средства раз решалось только с санкции руководства разведки.

Больше всего и я, как непосредственный куратор, и руководители отдела и главка были довольны результатами работы нелегальной резидентуры в Вашингтоне, которую возглавлял выдающийся разведчик Исхак Абдулович Ахмеров. В самом конце 1939 года он был, к сожалению, отозван в Центр вместе со своим заместителем Норманом Михайловичем Бородиным, очень способным нелегалом. Эту точку пришлось, выражаясь на жаргоне разведслужб, законсервировать, то есть свернуть ее деятельность. С агентами связь была прекращена, поступление информации прекратилось. А с Ахмеровым и Бородиным новый нарком Берия и его камарилья, впрочем как и со многими другими сотрудниками легальных и нелегальных резидентур, решили «разобраться». Их подвергли унижительным и жестоким допросам, после чего одних расстреляли, других отправили в тюрьмы и концлагеря, третьих вышвырнули на улицу. Повезло немногим. Ахмеров оказался среди них. Его отправили в американское отделение на самую низшую должность. Здесь он должен был доказать свою лояльность сталинскому режиму.

Хочу более подробно рассказать об этом выдающемся разведчике. В начале 1940 года, когда состоялось наше очное знакомство, передо мною предстал сорокалетний худощавый, подтянутый мужчина в строгом, безупречно вы-

глаженном костюме. По своему внешнему виду он напоминал дипломата. С этим об разом хорошо гармонировал негромкий спокойный голос и размеренная, чуть запинаящаяся, но абсолютно правильная речь, что на русском, что на английском языках. По-английски он говорил, кстати, с явным американским акцентом.

Исхак Абдулович Ахмеров

Ахмеров по национальности татарин. Родился в бедной крестьянской семье. Отец умер, когда Исхаку было несколько месяцев. Мать вместе с маленьким сыном поселилась у своего отца, занимавшегося скорняжным про-

мыслом. В 1912 году дед скончался, и Исфаку, не окончившему даже начальной школы, пришлось идти, как тогда говорили, «в люди». Он стал мальчиком на побегушках, потом подмастерьем у скорняка.

В Советской Россиимышленый парень получил возможность учиться. В 1921 году его направили в Коммунистический университет народов Востока. Через год он перешел в Первый государственный университет (сейчас это МГУ) на факультет международных отношений. Учился Исфак легко, особенно давались ему иностранные языки. Но жизнь была тяжелой, приходилось тратить немало времени и сил, чтобы заработать: скудной стипендии не хватало.

По окончании университета Ахмерова послали в Народный комиссариат иностранных дел. После недолгой подготовки его командировали в Бухарскую народную советскую республику в качестве дипломатического агента. Через год он был уже секретарем генерального консульства СССР в Стамбуле, потом в Трапезунде (Трабзоне). К этому времени молодой дипломат уже свободно владел турецким языком.

В 1930 году Ахмерова приняли на работу в органы государственной безопасности. Вскоре его перевели в Иностранный отдел ОГПУ.

В начале 1934 года Исфака Абдуловича отправили на нелегальную работу в Китай. Под видом турецкого студента он поступил в американский колледж для иностранцев в Пекине. Это оказалось для него удачным прикрытием, его разведывательные дела продвигались успешно.

В 1935 году Центр принял решение перевести Ахмерова в США. Руководитель действовавшей там нелегальной резидентуры Дэвис погиб при невыясненных обстоятельствах. Его преемником стал нелегал Базаров. Ахмеров был у него заместителем, а в 1937 году с отъездом Базарова в Москву возглавил резидентуру. Через год Исфаку Аб-

дуловичу удалось создать эффективно действующий нелегальный аппарат, в который входили десять ценных агентов, занимавших должности высокой разведывательной значимости в таких ведомствах, как государственный департамент, министерство финансов, аппарат Белого дома. От них поступала и направлялась в Центр важная информация о планах и намерениях руководящих кругов Соединенных Штатов в отношении Советского Союза, европейских государств и, что вызывало особенно большой интерес, стран «оси» — Германии, Японии и Италии⁴.

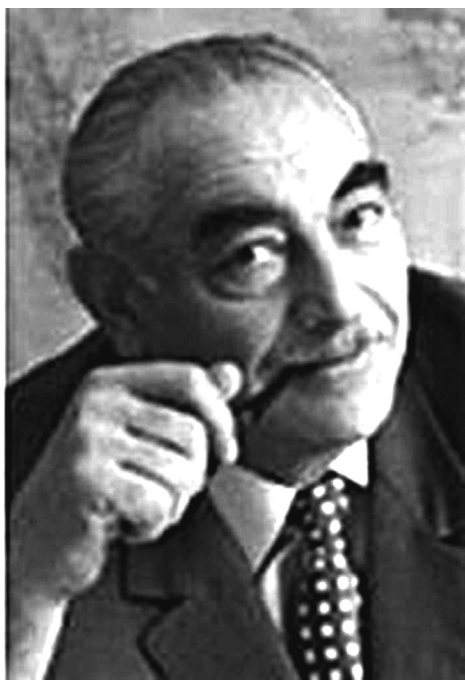
Тут я должен упомянуть еще об одном нашем замечательном разведчике — Нормане Михайловиче Бородине. Он не принимал непосредственного участия в операции «Снег», но в предвоенные годы сделал много, чтобы создать объективные условия для ее проведения.

Бородин в 1937 году стал заместителем Ахмерова. Инициативный оперативный сотрудник, Норман Михайлович руководил тремя ценными агентами. Когда по приказу Берии его отозвали из-за рубежа, он был еще молодым человеком: ему не исполнилось и 30 лет. Но Бородин уже успел приобрести значительный опыт нелегальной работы в Норвегии, где в 1931 году ступил на трудную стезю разведчика-профессионала, и в Германии. Когда там к власти пришли нацисты, его, еврея по национальности, перевели в нелегальную резидентуру в Париже.

В 1934 году Бородин вернулся в Советский Союз. Ему разрешили продолжить учебу в Военно-химической академии Красной Армии. Через два года его вновь зачислили в кадры внешней разведки и направили в США. Здесь он стал студентом радиотехнического института. Это прикрытие обеспечило ему хорошие возможности для занятий разведывательной деятельностью.

Я познакомился с Норманом Михайловичем после его отъезда из США. Это было в начале 1940 года. Он произвел очень приятное впечатление: неизменно выдержан-

ный, тактичный, с большим чувством юмора, легкий в общении человек. Его отличали высокая эрудиция и прекрасное знание обстановки за океаном. К сожалению, по решению руководства наркомата внутренних дел Бородин был отчислен из внешней разведки, куда вернулся лишь после начала Великой Отечественной войны, но не на наш участок. Так по недомыслию, если не по злой воле, тогдашнего начальства мы лишились перспективного, хорошо подготовленного профессионала. Это чувствительно сказалось на работе воссозданной летом 1941 года нелегальной резидентуры в Вашингтоне, где Ахмерову пришлось в одиночку взвалить на себя непомерную нагрузку после восстановления связи с агентурой.

Норман Михайлович Бородин

Нужно отметить, что большую помощь в оперативных делах Исхаку Абдуловичу оказывала его жена, Елена Ивановна. Случилось так, что во время первой командировки в США Ахмеров привлек в качестве содержательницы конспиративной квартиры американку Хелен Лоури, племянницу тогдашнего лидера компартии Эрла Браудера. Она оказалась очень способной ученицей, и вскоре наряду с техническими функциями резидент стал поручать ей выполнение оперативных заданий.

Хелен оказалась великолепным связником. Но жизнь есть жизнь, и учитель влюбился в свою ученицу и обратился в Центр с просьбой разрешить ему вступить в брак с нею. Помню, проблема для нас в американском отделении оказалась чрезвычайно сложной. Для тех времен это был из ряда вон выходящий случай. Нам пришлось приложить колоссальные усилия, чтобы советскому разведчику-нелегалу позволили скрепить себя брачными узами с иностранкой. Высокие оценки разведывательной деятельности Ахмерова, исключительная ценность добываемой под его руководством информации и тот факт, что Хелен была родственницей коммуниста №1 Америки, — все это помогло положительно решить просьбу нашего вашингтонского резидента. В конце 1939 года он вернулся в Москву с молодой женой, которая стала его верной подругой и преданной помощницей на всю жизнь.

Я уже писал, что в середине 1939 года в американское отделение поступило указание наркома Берии отозвать в Москву весь личный состав резидентуры Ахмерова. Этот приказ явился для нас неожиданным и тяжелым ударом, так как подрывал нашу основную информационную базу в США.

Хотя вторая мировая война еще не началась, все указывало на то, что она разразится в ближайшее время. Распускающаяся агрессивность фашистской Германии требовала от внешней разведки резко активизировать получение сек-

ретной информации о планах Гитлера, а мы в этот момент сами перекрывали доступ к наиболее важным и перспективным источникам. Хуже не придумаешь!

Здесь уместно отметить, что костяк нашей ценной агентуры в Соединенных Штатах состоял из убежденных антифашистов, которые видели в сотрудничестве с советской разведкой наиболее эффективный путь борьбы с коричневой опасностью. Как и широко известная ныне группа наших агентов в Великобритании (так называемая «кембриджская пятерка») под руководством выдающегося советского разведчика Кима Филби, которая начала сотрудничать с внешней разведкой Кремля в тридцатых годах после прихода к власти нацистов в Германии, так и в США ряд молодых антифашистов почти одновременно с английскими братьями по оружию избрали ту же дорогу. Они сочли, что в условиях сильного влияния прогитлеровских сил за океаном им будет трудно выступать с открытым забралом.

Надо также подчеркнуть, что все эти люди, давая согласие на сотрудничество с советской разведкой, как правило, выдвигали обязательное условие: не делать ничего такого, что могло нанести ущерб интересам или безопасности их родины. Могу подтвердить, что многие наши активные помощники-американцы после победы над фашистской Германией и милитаристской Японией сразу прекратили контакт с нами. И мы не удерживали этих честных патриотов. Кстати, некоторые из них — это были наиболее убежденные борцы с реакцией — с началом «холодной войны» по собственной инициативе возобновили связь с нами. Среди агентов Ахмерова не оказалось таких, кто захотел бы прервать сотрудничество с советской разведкой. Сказалось сильное влияние резидента, как личности. Он всегда относился к своим помощникам с глубоким уважением, ничем не ущемлял их человеческого достоинства и чувства патриотизма. И если связь кое с кем из них

была прекращена, то случилось это, главным образом, из-за предательства одного агента в конце 1945 года.

Вернемся, однако, в 1939 год. Тогда мы, в американском отделении 5-го отдела ГУГБ, ломали голову над тем, как уменьшить ущерб от вынужденной консервации агентов Ахмерова из-за его предстоящего отъезда в Москву. Решили наиболее ценных помощников не передавать на связь легальной резидентуре, чтобы уменьшить возможный риск их расшифровки в дальнейшем. Мы вывели на время их из игры, разработав условия возобновления контакта с ними, когда нелегальная резидентура возобновит свою деятельность.

Честно говоря, я и мои коллеги по отделению надеялись вернуть Ахмерова за океан самое большое через пять месяцев. Но наши расчеты не оправдались. Во-первых, в сентябре началась вторая мировая война, которая спутала наши карты. А во-вторых, мы не учли — да просто не могли учесть — политические игры, которые затеял нарком внутренних дел Берия. В них, этих играх, многим заслуженным ветеранам нашей разведки, профессионалам с большим опытом была уготована трагическая судьба.

В один из январских дней 1940 года начальник внешней разведки Павел Михайлович Фитин приказал всем руководителям отделений прибыть в кабинет наркома на совещание. Мой непосредственный шеф отсутствовал, и мне, как лицу его замещавшему, пришлось предстать перед очами грозного хозяина Лубянки. К назначенному сроку в приемной собрались начальники отделений, почти все сплошь молодые люди. Естественно, они гадали, о чем будет говорить нарком.

Среди «необстрелянной» молодежи, волею судьбы попавшей в верхи разведки, выделялась группа примерно из полутора десятков сотрудников более старшего возраста. Они вели себя сдержанно, не переговаривались, не крутили во все стороны головами. Кое-кого из них мы зна-

ли, например, Сергея Михайловича Шпигельгласа, заместителя начальника Иностранного отдела, который читал нам лекции в разведывательной школе.

Павел Михайлович Фитин

Наконец нас пригласили в кабинет наркома. Это было большое, отделанное красным деревом помещение, вдоль стен которого стояли мягкие кожаные кресла. На возвышении располагался огромный письменный стол на резных ножках, покрытый синим сукном. Мы расселись в креслах, а товарищи постарше, с Шпигельгласом во главе, заняли стулья прямо перед подиумом.

Вдруг позади стола бесшумно открылась небольшая дверь, которую я принял было за дверцу стенного шкафа,

и вышел человек в пенсне, знакомый нам по портретам. Это был Берия. Его сопровождал помощник с папкой в руках. Не поздоровавшись, нарком сразу приступил к делу. Взяв у помощника список, он стал называть по очереди фамилии сотрудников, которые сидели перед ним. Слова его раздавались в гробовой тишине громко и отчетливо, как щелчки бича.

— Зарубин!

Один из сидевших перед столом встал и принял стойку «смирно».

— Расскажи, — продолжал чеканить нарком, — как тебя завербовала немецкая разведка? Как ты предавал Родину?

Волнуясь, но тем не менее твердо и искренне один из самых опытных нелегалов дал ответ, смысл которого состоял в том, что никто его не вербовал, что он никого и ничего не предавал, а честно выполнял задания руководства. На это прозвучало угрожающе равнодушное:

— Садись! Разберемся в твоем деле.

Затем были названы фамилии Короткова, Журавлева, Ахмерова и других старослужащих разведки, отозванных с зарубежных постов. Унизительный допрос продолжался в том же духе с незначительными вариациями. Мы слышали, что среди сидевших в кабинете были английские, американские, французские, немецкие, японские, итальянские, польские и еще Бог знает какие шпионы. Но все подвергнувшиеся словесной пытке, следуя примеру Василия Михайловича Зарубина, держались стойко. Уверенно, с чувством глубокой внутренней правоты отвечал Александр Михайлович Коротков, под руководством которого я прослужил в дальнейшем несколько лет в нелегальном управлении. Спокойно, с большим достоинством вел себя Исхак Абдулович Ахмеров и другие наши старшие коллеги.

Совещание, если его можно так назвать, — оно было похоже на экзекуцию — закончилось внезапно, как и началось. Дойдя до конца списка и пообещав опрошенным «скорую разборку», Берия встал и, опять не говоря ни слова, исчез за дверью. Его помощник предложил нам разойтись.

Никаких дополнительных разъяснений к увиденному и услышанному не последовало. Мы были ошеломлены. Просто не верилось, что все это произошло наяву. Для чего было разыграно это действо? Почему Берия решил подвергнуть опытных разведчиков такой «публичной казни»? Для их устрашения?

Мы терялись в догадках, но в конце концов склонились к тому, что эта демонстрация была задумана, чтобы преподать урок нам, молодым: будьте, мол, послушным инструментом в руках руководства НКВД и не думайте, что пребывание за границей укроет кого-либо от недреманного ока Центра.

Через несколько дней после совещания у наркома меня вызвал к себе мой непосредственный руководитель, начальник американского отделения Будков. У него я, к немалому удивлению, увидел трех человек, которых Берия подверг унижительному публичному допросу. Это были Василий Михайлович Зарубин, Исхак Абдулович Ахмеров и Михаил Васильевич Григорьев. Будков объявил, что они направлены в наше отделение стажерами. Еще более удивился я, когда услышал, что работать с ними поручено мне.

Можно представить мое положение! Я, двадцатипятилетний молодой человек, никогда за кордоном не бывавший и еще не видевший, так сказать, живого агента, должен был руководить тремя опытнейшими разведчиками-нелегалами с большим стажем работы.

Но приказ есть приказ. Я попросил всех троих пройти ко мне, чтобы обсудить создавшееся положение. У меня хватило ума, чтобы сообразить: никакой я для них не ру-

ководитель. Так честно им и признался. Конечно, для видимости надо будет соблюдать субординацию: на Лубянке было немало глаз и ушей, и кто-нибудь обязательно сообщал бы начальству, если бы я не выполнил указания. Но на самом деле я не собираюсь руководить ими, а хочу набраться у них разведывательного ума-разума.

Поскольку наше отделение отвечало за организацию разведки на американском континенте, опыт Зарубина и Ахмерова был как нельзя кстати. Я попросил Исхака Абдуловича опекать меня в том, что касалось агентурно-оперативной обстановки в США, нравов и обычаев населения, условий для разведывательной работы. И конечно же, оказывать мне помощь в овладении английским языком. А Василий Михайлович взялся натаскать меня в решении оперативных вопросов. В заключение я сказал, что прекрасно понимаю: научить правилам игры можно, но нельзя гарантировать, что я всякий раз буду обязательно выигрывать. Поэтому хочу с их помощью глубже овладеть основами разведывательного дела, а дальше все зависит от меня самого.

Зарубин и Ахмеров согласились со мной. Как я понял, им пришлось по душе моя трактовка сути их «стажировки», которая была не особенно приятным отрезком карьеры этих мастеров разведывательного дела. Что касается Григорьева, то, поскольку он работал в нелегальных условиях во Франции, «стажироваться» ему пришлось у другого работника.

Твердо убежден: мне крупно повезло, что повстречался с этими замечательными людьми — В.М.Зарубиным и И.А.Ахмеровым. Наши разведывательные тропы впоследствии неоднократно пересекались.

Пока же Зарубин активно действовал в нашем отделении, выполняя важные оперативные задания как внутри Советского Союза, так и за кордоном, куда он выезжал в краткосрочные командировки. В Москве, например,